Что с ним случилось перед баней, Лука осознал только после. Прочность костей и кожного покрытия головы, кисти правой руки и ягодич повысились больше, чем на сто процентов, но этим все и закончилось. После, чего бы он ни касался, ничего подобного не происходило. Своим умом до логики всего этого он не дошел, а наследие Эска промолчало.

Мальчик смог увязать лишь то, что усиленными и оптимизированными оказались именно те части тела, что пострадали после удара в стену и лупцевания тростью. Синяки после избиения Пенантом почти сошли, когда он сидел у цирюльника. Впрочем, никакого усиления это избиение не вызвало.

Выходя из бани, он воспользовался тем, что Пенант шел первым, и сильно ударил рукой в стену. Сильной боли, подобной той, что была в тюрьме, он не испытал, а в стене здания появилась вмятина по форме его кулака.

Путь к дому целителя стал занимательным. Пенант, перепугавшись, что убил или чего хуже, покалечил собственность наставника, всю дорогу от общественных бань до дома болтал без умолку, рассказывая Луке подробности жизни с целителем.

Главное, что уяснил мальчик — господин суров, скор на расправу, но справедлив. Пенант и сам когда-то был таким, как Лука, разве что судили его не за нападение на кого-то, а за бродяжничество. В столице можно было сколь угодно побираться, просить милостыню, но ночевать следовало под крышей.

Пенант, или Пен, как звали десятилетнего сироту на улицах, попался страже одной счастливой — Пенант сам так сказал — ночью. Накануне вечером он рассорился с лидером той ватаги беспризорников, с которой делил крышу в заброшенном сарае на окраине. В воспитательных мерах его выперли, и спать Пену пришлось на улице. Там-то его — снулого, спросонья, а так бы утек — и сграбастали патрулирующие и страдающие от скуки городские стражники.

На следующее утро судья, намеревавшийся отправить его в воспитательный дом, выставил его штраф на аукцион.

Так, за один золотой, на следующие пять лет Пен стал собственностью господина Ядугары, а три года назад, когда срок истек, стал младшим учеником целителя. В наставнике он души не чаял, искренне благодаря небеса и всех богов за ту ночь, когда попался страже. Разве что помрачнел, когда Лука поинтересовался, какая во всем этом господину Ядугаре выгода, и ничего не ответил.

Каморка на чердаке дома господина целителя не могла похвастать даже тем подобием уюта, что Лука чувствовал в камере тюрьмы. Там хотя бы не протекала крыша. Здесь же все в грязи, захламлено, в клочьях паутины, а балки перекрытия были ниже роста мальчика — приходилось постоянно передвигаться пригнувшись. Скопившаяся за годы пыль искрила в лучах солнца из маленького окошка.

— Твое место здесь, — сказал Пенант. — Наведи порядок и жди дальнейших указаний.

Старший ученик удалился, а позже Лука увидел, как он уезжает с Ядугарой. Еще позже, когда он, собрав мусор, потащил его вниз, узкую лестницу ему перегородила огромная смуглая женщина, мывшая ступеньки. Вздвогнув, она подняла голову.

— Пресвятая мать! Ты еще кто такой? — воскликнула она, направив на Луку толстый палец, с кончика которого свесилась капля грязной воды.

— Лука, — ответил он.

— А, так ты, стало быть, новый мальчишка господина Ядугары! — понятливо покивала женщина. — А старый, стало быть, тю-тю...

— А ты кто? — Лука поставил мешок с мусором под ноги. — И куда делся старый?

Проигнорировав его вопросы, женщина вытерла руки о фартук, покачала головой и спросила:

— Голоден?

Не ожидая ничего хорошего, Лука промолчал, но непроизвольно сглотнул. В животе заурчало.

— Еще бы... — задумчиво произнесла она. — Тощий-то какой! Так! Хозяин вернется не скоро, раз взял с собой мерзавца Пенанта — значит, пациент тяжелый. Может, даже оперировать будет, коль с хирургическим чемоданчиком поехали. Что у тебя там? — она кивнула, указав на мешок.

— Мусор с чердака.

— Тащи его из дома и брось в кучу на заднем дворе. Вернешься, иди на запах жаркого, — она засмеялась.

Легко подхватив ведро с мыльной водой, женщина начала спускаться вниз, а обернувшись, добавила:

— Зови меня тетушкой Мо.

— Хорошо, тетушка Мо, — кивнул Лука.

Не считая чердака, дом господина целителя возвышался на три этажа. Первый этаж был отдан под хозяйство и службу, на втором господин Ядугара принимал клиентов, а третий был жилым — на нем размещались спальни господина, старшего ученика и рабочий кабинет с библиотекой. Об этом ему рассказал Пенант, объясняя, куда Луке можно заходить, а куда категорически запрещено.

Мальчик аккуратно высыпал мусор, чихнув, оттряхнул мешок от пыли и перебросил через плечо. Возвращаясь, у колонки с водой он остановился, чтобы умыться и помыть руки.

— Эй! — услышал он за спиной родной голос. — Лука?

Обернувшись, он с радостным изумлением увидел над трехметровым забором напряженное лицо сестренки. Он замахал рукой:

— Кора!

— Лука! Ха! Наголо обрили! Ха-ха-ха! Лысый, лысый!

Лука подбежал к забору, и лицо сестры расплылось в счастливой улыбке.

— Клянусь порочной матерью Двурогого, ты все-таки ходишь! Бегаешь, братишка! Ох... — лицо сестренки исчезло, а потом снова появилось. — Скользкий забор, не за что зацепиться ногами... Можешь выйти?

Улыбка слезла с лица мальчика. С виду обычная полоска из кожи, но на деле — рабский ошейник, называемый силовым за скрытые в нем незримые силы — не позволит ему покинуть двор господина без разрешения. Он покачал головой, показав на горло.

— Колдунский? — уточнила Кора. — Не страшно, я найду деньги и выкуплю тебя! Главное, тебя не отправили на рудники! Оттуда никто не возвращается...

— Кора, не надо! Вам с мамой деньги нужнее, да и без меня, такого как раньше, вам будет проще! Мне дали комнату, — Лука слукавил, назвав комнатой убогий чердак, — меня кормят! Смотри! Меня даже сводили в баню и одели!

Он покрутился перед сестрой, похваляясь обновками почти своего размера — выдал Пенант, когда они вернулись из бани. Надо было быть убедительным, чтобы сестра не влезла во что-то нехорошее или опасное ради него. Тогда мать останется совсем одна!

— Мама... — Кора стала серьезнее. — Лука, она заболела. Вся горит, у нее лихорадка! Я не знаю, что делать! Твой хозяин — целитель, может у него найдутся какие-то снадобья? А может, ты убедишь его навестить нас? Мама обрадуется, если тебя увидит...

— Я поговорю с ним, Кора. Обязательно поговорю! Сегодня же, сразу же, как он вернется! А если...

Его речь прервал разъяренный вопль:

— Лука! Несносный мальчишка! Где тебя ноги носят?

— Ой-йо! Это тетушка Мо! — Лука затараторил. — Кора! Мне пора! Обними маму за меня! И не смей...

— Лука! Ох и надеру же я твой тощий зад! Живо ко мне! — продолжала распалиться женщина, приближаясь. — Кто это там с тобой?

Кора расхохоталась и сорвалась с забора. Лука услышал, как она застонала, снова упомянула порочную мать Двурогого и крикнула:

— Держись, брат! Я буду приходить!

— Не влезай в неприятности, Кора! Ты слышала? — продолжал орать Лука, когда тетушка Мо схватила его за ухо и потащила домой.

Там она честно выполнила все обещанное. Надрала его тощий, но усиленный метаморфизмом зад, что Лука стерпел, не поморщившись, а потом до отвала накормила жареной требухой с луком и картошкой. Столько вкусной еды за раз мальчик не просто никогда не ел, даже не видел.

На все его благодарности она отводила взгляд. Луке показалось, что в ее глазах появились слезы, но рассмотреть их не смог — она отвернулась. Тяжело поднявшись, женщина наложила ему еще порцию и стукнула миской по столу:

— Ешь!

Осоловело глядя на тетушку Мо, он взял ложку, рыгнул, смутился и спросил:

— Тетушка Мо, а что случилось с тем, кто был до меня? Вы назвали меня новым мальчишкой

господина, а старый, мол, тю-тю... Что это значит? Господин Ядугара предпочитает делить постель с мальчиками?

О подобных вещах он слышал от Кору, хотя и слабо представлял процесс. Впрочем, и сама сестра не могла похвастать знанием нюансов.

— Пресвятая мать! — тетушка Мо трижды провела пальцем по правой щеке, взывая к матери богов. — Что за мерзости лезут из твоего грязного рта? Господин целитель охоч до юной плоти, но той, что с дырочкой между ног, неразумный ты мальчишка!

— Тогда почему...

— Довольно! Никогда и никого не смей расспрашивать о господине! Ты меня понял, Лука? Тем более не задавай подобных, да вообще никаких, вопросов господину! Иначе встретишь свой следующий рассвет в могиле, понял? Марш к себе!

Лука сполз с высокого стула, еще раз поблагодарил тетушку Мо и, еле двигаясь, поплелся на чердак. Что бы она ни говорила, ради мамы ему сегодня придется задать вопрос господину.

Все-таки Пенант говорил, что тот справедлив и великодушен.

<http://tl.rulate.ru/book/15101/303151>